

Инна Тренина Непреклонные

Оксана Бабенко

Инна Трoнина
Непреклонные

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Трoнина И.

Непреклонные / И. Трoнина — «Мультимедийное издательство Стрельбицкого», — (Оксана Бабенко)

В сентябре 2001-го года в Екатеринбургe зверски убита хозяйка элитного банного комплекса Наталья Кулдошина. Расследование преступления зашло в тупик. Несмотря на наличие большого количества всевозможных недоброжелателей, ни один из них не мог даже предположить, кто решился на столь рискованное дело. Вдовец Натальи Юрий Кулдошин по кличке Юра-Бешеный славится своим крутым нравом и страстной любовью к жене. В городе предгрозовая обстановка. Все местные авторитеты желают срочно выяснить истину, иначе начнутся разборки, и уральская столица захлебнется в крови. По воле Юры-Бешеного в дело вступает частная сыщица москвичка Оксана Бабенко. Через некоторое время она выясняет, что убийца - не местный житель, а петербуржец по фамилии Швоев. И руководствовался он при совершении преступления вовсе не материальными соображениями и не любовными переживаниями...

© Трoнина И.
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Инна Тронина

Непреклонные

Глава 1

– Оксана, ты бы с девочкой своей разобралась, как полагается! Худая старуха в узорчатом платке и старомодном макинтоше, видимо, уже давно поджидала меня у подъезда. Как только я вышла из машины, она тут же засеменила ко мне. Её товарки вытянули в нашу сторону шеи; все они сидели, как положено, на лавочке у дверей.

– Да и то сказать, какая из тебя мать – сама только что в коляске лежала! Нарожают, а воспитать не могут. Дети у них, как трава, растут. То же самое и Мила, которая из Питера приехала. Это же не игрушки вам, а живые люди! И какими они вырастут, если сейчас пожилых оскорбляют?

– Оскорбляют? – Я очень удивилась, потому что моя дочь отличалась довольно-таки спокойным и весёлым нравом. – Как именно?

– Да по-всякому! – махнула рукой старуха.

Кажется, её звали Валентина Ивановна. Или Петровна, я как-то позабыла, да теперь и не хотелось вспоминать.

– Полдня они с Денисом вокруг нас на великах ездили! Мы замечание сделали, а они и ухом не ведут. Из лужи грязью обрызгали Нину Макаровну, – соседка кивнула в сторону кривоногой бабульки, которую я раньше никогда не видела. – Она к родственникам приехала. Вышла воздухом подышать, и нате! Ведь Октябрина твоя нормальным ребёнком была, пока этот Денис здесь не появился. Ты бы запретила девочке с ним дружить, а то он уже и матюгам разным учит...

– На собаку мою ошейник какой-то специальный надел, вступила в разговор высокая старушка интеллигентного вида.

Она была похожа на учительницу – в очках с толстыми стёклами и коротко остриженными седыми волосами.

– Знаете, такой, который током бьёт, когда пёсик залает? Ужасный мальчишка, он же совершенно невоспитанный, хоть и из Петербурга! Говорит, слишком много ваша собака лает, пройти нельзя. А теперь моя Жуля и попикивать никак не может от этого электричества!

– Ладно, я с дочерью поговорю.

Меньше всего мне хотелось сейчас разбираться в жалобах старух, которые сами кого угодно могли довести постоянными сплетнями и каверзами, но нужно было под каким-то предлогом от них смыться.

Самое главное, что моя дочь должна была сегодня находиться в пансионе Центра индивидуального развития, где она училась уже во втором классе, а перед этим прошла курс дошкольного обучения в детском саду. Сама она вернуться из Подмосковья не могла – значит, ребёнка привезли транспортом Центра. Одно хорошо – раз Октябрина гоняла на велосипеде по двору, значит, она не заболела.

– Извините, мне некогда. И я устала на работе. – Это был мой последний довод, который не на шутку рассердил старушек.

– Вот-вот, так и всегда! – пробурчала Валентина, но с дороги ушла. – И что за работа такая у людей, когда о детях забывают? Ведь не сутками, не на заводах – болтают и кофе пьют, тьфу! Да родители твои в гробах, небось, вертятся, когда с небес видят всё это безобразие! Младшеньких не уберегла, девчонку принесла в подоле, и слушать не хочет соседей, которые

вот с таких её знают! Стыд и срам, Оксана! Такая ваша семья хорошая была, многодетная, крепкая! А теперь? Да твоя задница давно ремня просит! А Милка, она же, я слышала...

подавив вполне естественное желание ответить на оскорбления так, как полагается, я вошла в подъезд и вызвала лифт. Если действительно новый приятель Октябрины учит её бранным словам, нужно побеседовать и с ней, и с ним. Но ведь старухи и наврать могут, им везде мерещатся бандиты и проститутки, а также малолетние преступники. Как водится, молодёжь, подростки и дети не достойны их, героических предков, которым обязаны жизнью.

Но всё-таки Октябрина учится в элитной школе, и должна помнить, к чему это её обязывает. Конечно, придётся жаловаться матери Дениса Миле, а ведь жаль её – работает, как проклятая, в Центре пластической хирургии. Ребёнок, разумеется, весь день один. Вернее, с мальчишками, а теперь вот ещё и с Октябриной...

Выходя из лифта на шестом этаже, я в который раз подумала, что нужно менять квартиру. Переехать туда, где никто не знал моих родителей, сестру и маленьких братьев. Где не напомнят мне о прошлом, в том числе и о рождении ребёнка вне брака.

Но о переезде я думала уже несколько лет, и всё никак не могла решиться. Именно потому, что в этой квартире, слишком большой для нас с дочерью, жила память о дорогих мне людях. И сегодня, как всегда, мне казалось, что родители сестра и братья ждут меня дома. Переезд казался мне предательством, и я, как могла, оттягивала момент принятия окончательного решения.

Мысль о том, что умершие на самом деле где-то существуют, помогала мне жить и в то же время позволяла не бояться смерти, потому что за нею обязательно должна была последовать встреча с семьёй. А о смерти приходилось думать часто – работая в сыском агентстве, я почти ежедневно подвергалась реальной опасности.

Когда я подъезжала к дому, думала о ванне с морской солью, чашке чая с травами и мёдом, а ещё – о мягком кресле перед экраном домашнего кинотеатра. Но обо всём этом забыла, едва старухи сказали про Октябрину. Пока открывала дверь в квартиру, ждала тягостного объяснения со своим не по годам развитым ребёнком. Прихожая была залита сентябрьским вечерним солнцем, и на полу лежал школьный рюкзачок дочери. На вешалке висела куртка, в которой четыре дня назад я отправила Октябрину в пансион до пятницы.

– Ота! – крикнула я с порога, потому что дочь, против обыкновения, не выскочила меня встречать. Наверное, опять вцепилась в компьютер.

Ответом мне была пугающая тишина. Скинув туфли, и бросилась распахивать двери; и притом не представляла, что хочу увидеть. А ребёнок мой наблюдал за мной с порога кухни, пока я металась туда-сюда.

Увидев Октябрину, я облегчённо вздохнула и только тут разжала сведённые судорогой пальцы. Сумка упала на пол, и я принялась расстёгивать кнопки кожаной куртки, которая при этом тихо поскрипывала. Шейный платок я, не глядя, бросила на полочку.

– Мам, привет!

Октябрина чему-то улыбалась, шкодливо опустив длинные ресницы. Обхватив меня за шею, она привстала на цыпочки и чмокнула в щёку.

– Около игровой комнаты там у нас кто-то ртуть разлил. Ну, всех и развезли по домам. Сказали, заберут, когда всё вычистят. Два дня надо заниматься дома. Я уже занимаюсь, ты не бойся...

– А у меня есть сведения, что ты на велике полдня гоняла.

Я прошла на кухню, села верхом на табуретку. Ота немедленно забралась на другую, устроила голову на кулачке и тряхнула густой смоляной чёлкой.

– Скажи мне честно – вы с Денисом ругались матом на улице?

– Нет. Мы матные слова не говорили! – искренне удивилась Ота.

– Но что-то вы старушкам кричали? – Я окончательно успокоилась и полезла в холодильник. Теперь чаем с травами не обойтись – нужно кормить дочку обедом. – Или они всё придумали?

– Денис им сказал: «Бабки в повязках!». Это из «Няни-мумии»...

– Но они же правильно вам замечание сделали! Не соглашалась я. – На великах гоняли? Грязью их обрызгивали? На чужую собачку ошейник с электроразрядом надевали? Вы что, нормально играть не можете?

– Они сказали, что из меня ничего не получится, и мне в элитной школе делать нечего. Бабушка – подавальщица, дедушка – шофёр, а мать по улице... по панели ходит. И что они знают, откуда у нас машина...

Я махнула рукой, надела кокетливый малиновый фартук, загремела тарелками. О том, что меня во дворе считают не частным сыщиком, а валютной проституткой, я знала давно. Но девочке-то можно было об этом не говорить. И грешно поминать дурным словом её дедушку и бабушку, о которых якобы во дворе хранят добрую память...

– После съеленной пачки чипсов ты ещё хочешь обедать? Не тошнит?

– Нет. – Октябрина резко вскинула голову и взглянула мне прямо в зрачки большими шоколадными глазами. – Не тошнит. Мама, ты не бойся. Я тебе одну вещь скажу, очень важную.

– Какую?

Я старалась отрешиться от сыскных дел и переключиться на дом. Здесь вся моя жизнь, и самые важные дела происходят в этих четырёх комнатах и на этой кухне, где мы с дочерью сейчас будем обедать. А, может, ужинать, потому что уже вечер. Какую бы вещь ни сказала сейчас Ота, пусть даже глупую или пустяковую с моей точки зрения, я должна отнестись к проблеме серьёзно. Именно потому, что это – проблема моей дочери.

– С тобой всё в порядке?

– Всё. – Октябрина водила смуглым пальчиком по столу, и я видела, что она лукавит. – Только Денис мне предложение сделал. Взаправду!

– То есть?.. – Я даже поперхнулась. – Предложение чего?

– Чтобы я за него замуж вышла, – тихо и вежливо пояснила дочь. – Но не сейчас, ты не думай! Потом, когда паспорта получим. Мы поклялись, что он другую не найдёт, и я – тоже...

– Он сделал тебе ТАКОЕ предложение? – Я почувствовала, что мой язык онемел, и ни одной мысли не приходит в голову. – Почему вдруг родилась такая идея? Вы слишком долго гуляли? Решили и в ЭТО поиграть?

Конечно, я знала, что такой разговор когда-нибудь состоится – лет этак через одиннадцать, а то и позже; потому как следует и не подготовилась. Судьбоносная минута застигла меня врасплох. Чтобы Октябрина не заметила улыбку, я стала накладывать корм в миску нашей персидской кошки Клариссы.

– Мы в это не играем, – всё так же негромко, но очень решительно сказала Октябрина, пощипывая рукав своего джемпера. – Мы даже целовались, – добавила она одними губами. – Мы любим друг друга – на всю жизнь.

Я всю жизнь была и сейчас остаюсь никуда не годной хозяйкой, потому что всё время проводила на службе, в охранно-розыскном агентстве. Там нельзя было подолгу заниматься личными делами, и поэтому питались мы в основном из пакетиков. Дочка неделями проживала в пансионе, и забирала я её лишь на выходные. Мы мотались по детским кафе, заходили в рестораны. Но почему-то Отка особенно любила «Макдональдс». На сегодня у меня остался только гороховый «быстросуп», который я и развела в двух тарелках. В последнюю очередь я нарезала хлеб и села напротив Оты.

– Целовались? Любите?

Мне показалось, что я ослышалась. Да, я никогда не забывала, что моя дочь южных кровей, и замуж может захотеть раньше, чем остальные. Но чтобы в семь лет и за семилетнего!..

– Мы же в щёку целовались! – Октябрина старательно дула на ложку с супом и одновременно пожимала плечами.

– Значит, в щёку, – машинально повторила я, взялась за свою ложку и тут же обожглась. – А что ещё делали? – Вопрос прозвучал довольно-таки глупо, и я очень быстро это поняла, примирительно улыбнулась.

– А что ещё можно делать? Он маленький пока, неразвитый.

– Как это неразвитый? – попыталась я прояснить взгляды дочери.

– То есть незрелый. Надо, чтобы он смог иметь детей...

И тут я расхохоталась, осознав до конца, сколь нелепым и напрасным получился наш разговор. Октябрина обиженно надула губы – ведь я не восприняла её чувства всерьёз и дала понять, что никакой любви в её возрасте быть не может. Они с Денисом на самом деле только что вылезли из песочницы, а вот насмотрелись всякой ерунды по телевизору и в современной школе и решили не отставать от старших.

Конечно, если детям с утра до вечера капают на мозги, подбрасывая разные рискованные идеи, то они вполне могут и не дожидаться до четырнадцати лет, до вожделенных паспортов. Раньше паспорт выдавали в шестнадцать, но если бы я сказанула такое своей маме за столом, она, в лучшем случае, стеганула бы меня полотенцем. Правда, я уже давно отказалась даже от мыслей о физическом воздействии на ребёнка, и до сих пор была верна своему выбору.

– В двери звонят! – Октябрина с наслаждением прервала мой смех.

– Неужели?

Я вытерла слёзы и прислушалась. Действительно, гонг удалась ещё раз – наверное, во второй или в третий. Я сразу же напряглась – это ведь мог быть кто угодно. Бывало, что заезжали обменяться мнениями коллеги по агентству, если у них вдруг возникала нештатная ситуация. Случалось, наведывались и бандюганы, предлагающие уладить дело миром. Эти или угрожали, или пытались заплатить больше, чем их враги – наши клиенты.

А чаще всего забегали соседи – по старой памяти. Все помнили, какая радушная и хлебосольная была моя мама, тоже Октябрина. И хотя её нет на свете уже без малого восемь лет, время от времени старые знакомые пытаются занять денег или выпросить луковицу. Узнать, как дела, и не собираюсь ли я замуж. Я всегда отвечаю, что живу нормально, и ссылаюсь на неотложные проблемы. Так надо будет сделать и сейчас. Потому что я – не мама, чашки чая и рюмки сладкого вина у меня для соседей не находится. Если кому-то из них холодным осенним вечером стало скучно, пусть ищут другую компанию.

– Это не к тебе? – на всякий случай спросила я дочку.

– Нет, мне никто не звонил!

Она, кажется, уже забыла о нашем разговоре. В её возрасте каждое новое впечатление нацело стирали предыдущее. В семь лет возможно жить не только одним днём, но и одним часом.

– Может быть, это Денис? Или Поинка?

Хорошо, что я не успела снять деловой брючный костюм в жемчужные клипсы, подаренные мне на день рождения лично директором нашей фирмы. А вот Октябрина уже повесила в шкаф форму – чёрный сарафан, серый жакет и шелковую блузку с бантом. Но в своём стареньком свитере «пончо» дочка выглядела ещё лучше – как туземец в национальном наряде.

Я уже прикинула, что в баре есть несколько бутылок из коллекции «Колье Екатерины» – на тот случай, если прибыл кто-то из взрослых. Запасы, оставшиеся в холодильнике, позволяли быстро накрыть стол. А ведь я могла бы плавать в ванне, как собиралась, и тогда пришлось бы сильно поволноваться, натягивая купальный халат и заворачивая голову в полотенце.

Дочка первая подбежала к двери, поднялась на цыпочки и посмотрела в «глазок». Различив силуэт гостя, она взвизгнула от радости.

– Это Людмила Витальевна! Заходите, пожалуйста!

– Сватья моя будущая, – криво усмехнулась я.

Легка на помине мать того самого Дениса, с которой я хотела серьёзно поговорить. Она и раньше появлялась в нашей квартире – главным образом для того, чтобы забрать загостившего допоздна сына. Но сейчас Дениса у нас не было, а просто так, на огонёк, Мила не забежала ни разу.

Октябрина открыла дверь, и Мила вошла – как всегда, лёгкая, смешливая, пахнущая осенним холодком и духами «Шанель номер девятнадцать», напоминающими дуновение душистого ветерка. Мила всегда носила распущенными свои длинные каштановые волосы, и от того выглядела молоденькой девчонкой. Впечатление усиливали джинсы в обтяжку и короткая кожаная куртка, а также сумочка, напоминающая ученический портфель.

Мне казалось, что у Милы не бывает грустных мыслей. И своим оптимизмом она умела расположить людей, даже не склонных к случайным контактам. Мила считала себя счастливой, потому что родилась в воскресенье, и шагала по жизни, презирая закон всемирного тяготения. Она казалась старшей сестрой своего сына, и это несмотря на то, что ей вот-вот должно было исполниться двадцать семь лет. Странно, но у матери-одиночки Милы не проступала в чертах лица тяжёлая женская доля. Напротив, Мила часто корчила озорные гримасы и округляла светло-карие, в золотистую точку, глаза, как будто собиралась посекретничать.

– Милок, давай на кухню! – засуетилась я, но гостья зацепилась плечом за косяк второй двери, ведущей непосредственно в прихожую.

Хай! – на американский манер приветствовала нас Мила, запуская руку в сумочку, усеянную коричневым крупным горохом. Достала яркий пакетик и протянула Октябрине. – Держи, сухарики с чесноком. Нам с Денисом нравятся. Попробуйте теперь вы...

– Спасибо, – вежливо поблагодарила дочка, наклонив голову.

– Милок, пообедаешь с нами? – Я дёрнулась в сторону кухни.

– Извини, Ксан, очень спешу. У моего профессора вот-вот операция – одной богачке нос из седловидного в прямой будем перделывать. Ну, и подтягивать рожу, разумеется. Я забежала, чтобы вас с Отой на день рождения пригласить, в субботу, к четырёхм. Придёте?

– Обязательно придём, если ничего не случится! – обрадовалась я.

Значит, сегодня удастся принять ванну и отдохнуть, но в то же время нужно будет думать о подарке. Я оглянулась, увидела, что дочка ушла на кухню, и обратилась к Миле.

– Твой Денис моей Отке предложение сегодня сделал. Только ничего ему не говори, будь другом. Я до упаду хохотала как раз перед твоим приходом!..

– Вот глист в скафандре! – восхищённо сказала Мила. – А мне ни слова. Правда, я знала, что деньги, выданные на мороженое, уходят на цветочки. Или это мороженое он твоей дочери скармливает. Все видеокассеты из дома к вам перетаскал. Скоро начнёт серенады петь под окнами. Не удивительно, что сын папы-гуляки частенько наследует его привычки. Ведь за такие проделки отвечают определённые участки мозга, а мозг переходит от родителя к чаду. Ладно, Оксана, я действительно спешу. А то бы с удовольствием посидела-поболтала. Обожаю твою кухню, честное слово! Прекрасный старинный стиль, настенная роспись, витражи – мечта поэта! А я всё мечтаю о барной стойке из природного камня. У моей тётки в загородном доме, на Урале, есть такая. Очень, между прочим, здорово. Ну, всё, Оксана, я побежала. У тебя на службе как? Чики-пики? Нормально?

– Грех жаловаться.

Я подумала вдруг, что ничего о Людмиле не знаю, хотя уже считаю её если не подругой, то товаркой. Она никогда не рассказывала о своём муже или любовнике, и только сейчас, видимо, от удивления, сболтнула лишнее.

Значит, по какой-то причине она считает нужным скрывать это. А вот про родителей рассказала почти сразу же. Оба преподавали в питерском Политехе. Вся семья жила неподалёку от института – на Гражданке. В девяносто четвёртом, когда Мила уже была беременна, её отец попал в тяжелейшую автокатастрофу. С тех пор он почти неподвижен, кроме того, быстро слепнет, и Милина мать находится при нём неотлучно.

Почти все заработанные деньги Мила посылает им, но болезнь отца целиком съедает все эти средства. Семья держится лишь на Милиной тётке Наталье Лазаревне, которая помогает младшей сестре и её несчастному мужу. Наверное, она так поступает ещё и потому, что и Мила, и Денис являются её крестниками. А Наталья Лазаревна – верующий человек, причём уже давно, с детства, а не в соответствии с нынешней модой...

– Ота, всего хорошего! Я ухажу! – крикнула Мила, обернувшись в сторону кухни.

Моя дочь, жуя сухарики, выскочила в коридор.

– А почему? – капризно спросила она. – Я уже чайник поставила.

– Спасибо, птенчик, в другой раз!

Мила посмотрела на мою дочь как-то по-новому, наклонилась и поцеловала её в макушку.

– Послезавтра вы с мамой придёте ко мне на день рождения и одновременно на именины. Будет очень весело, обещаю. Пожелайте мне удачи!

– Желаю! – Октябрина улыбнулась во весь свой щербатый рот.

А я искренне пожалела Милу, представив, что ей несколько часов придётся стоять у операционного стола, а после неделю дрожать со страху. Ведь богачка может предъявить претензии к качеству оказанных услуг и заткнуть скандал, а профессор вряд ли намерен подставляться под удар сам. Мила тоже не хочет лишаться доходного места, и потому живёт в напряжении, в постоянном стрессе, переживая за сына, за родителей, за себя. Она давно говорила мне, что очень хочет слезть с тёткиной шеи, но пока не может.

– А Денис один остался? – встревожилась я не на шутку.

– К нему мальчик из класса пришёл. Говорят, что заниматься будут, но я не очень верю. Скорее всего, комп гонять начнут или удерут играть в футбол. Пока!

Мила щёлкнула замком и вышла на лестницу. Дочь, тяжело вздохнув, заперла за ней дверь. Праздничное настроение, возникшее, как всегда, с приходом матери Дениса, медленно исчезало, и я вновь ощутила страшную усталость.

– Второе разогревать? – Я отправилась на кухню, спотыкаясь и пошатываясь. – В микроволновке быстро дойдут курица с картошкой.

– Мам, я не хочу, правда!

Октябрина опять о чём-то задумалась. Она пригорюнилась на высокой табуретке, сама похожая на куклу, украшавшую кухню – такая же разноцветная, черноволосая, нарядная. Не удивительно, что блондин Дениска влюбился в неё насмерть. Мила сказала, что сын один раз что-то тайком писал в тетрадке, кажется, стихи. Но прочесть их отказался, сразу же удрал и тетрадку спрятал. Возможно, эти строки предназначались лишь для Октябрины.

– Понятно. Чипсами и сухарями наелась. Ладно, курицу побережём, а сами попьем чаю с мармеладом. – Мне очень хотелось сделать дочери приятное. – А дальше – за уроки. Сказали – заниматься дома, значит, надо заниматься. Кстати, твоему Денису тоже пора в учёбе подтянуться. Год только начался, а он уже двоек-троек нахватал. Сначала нужно с этими проблемами разобраться, а потом уже думать о любви.

– Мама, а можно меня теперь называть Яной? – вдруг спросила дочь, удивив меня второй раз за вечер. – В моём имени есть буквы «Я», «Н» и «А». Я очень прошу, пожалуйста! Это так красиво...

– Но почему ты не хочешь быть Отой, как раньше?

Я разлила чай, распечатала коробку мармелада, который вроде бы был даже тёплым. И очень мягким, не успевшим засахариться.

– Потому что меня дразнят, – глядя в чашку и не прикасаясь к мармеладу, ответила дочь.

Она говорила уже совсем по-взрослому – кратко, ёмко, печально. Я вздрогнула, потому что услышала такую жалобу впервые.

– Мне уже противно в школу ходить...

– Кто дразнит? Как именно?

Горячий чай плеснул мне на руку, но я поняла это позже, когда уже вздулся пузырь. Не для того я отдавала свою единственную радость в престижную школу, чтобы её там дразнили, как в нанюханном пресненском дворе.

– Васька Попов, – неохотно отозвалась Октябрина.

Она и от меня слышала, и сама знала, что ябедничать нехорошо. Но, видно, уже не могла терпеть.

– Он мне всё время кричит: «Отка-идиотка!» И ещё... – Дочка проглотила слёзы. – Про Чечню...

– Что про Чечню?

Я готова была где угодно найти этого Ваську Попова и собственноручно открутить ему голову. Раньше дочка ничего про этого парня не говорила. За ней пробовал ухаживать полиглот и музыкант Миша Зукаль, но потом он уехал с родителями за границу. Октябрина недельку походила грустная, но тут к нам в дом приехали Оленниковы, и Денис прочно занял место Миши.

– Он сегодня загородил дорогу и орёт: «Иди, Оточка, ко мне – будем воевать в Чечне!» – Октябрина не выдержала и расплакалась.

– Да он дурак просто, не обращай внимания!

Мне стало немного легче. Но такие поганые выходки тоже спускать нельзя, и нужно будет жёстко поставить этому Ваське на вид. Для серьёзного разговора я не полениюсь и при первой же возможности сама поеду в Центр индивидуального развития. Действительно, у дочери редкое имя, но это никому не даёт права называть её идиоткой. Кстати, отца себе она тоже не выбирала, и отвечать за него не должна.

– Не реви! Этот Васька в тебя просто влюбился...

– Тебе всё смешно! – упрекнула дочь.

Она уже сидела на моих коленях, уткнувшись личиком в моё плечо. У кого же ей ещё искать защиты, как не у матери? Не хватало ещё, чтобы моя крошка заболела из-за этого Васьки!

– Он меня ненавидит. А любит Денис. Он никогда не дразнится. Но я же Ваське ничего не сделала, я же... Он мне подножки подставляет! Я колготки два раза порвала... – И Октябрина захлебнулась слезами. – А его и не наказали! Ему всё разрешают!..

– Я, конечно, поговорю и с Васькой, и с завучем, но поможет ли это, вот вопрос?.. Он ведь может дразнить просто назло...

– Мама, ты только скажи, чтобы меня называли Яной, – пролепетала дочь. – А про Ваську не надо жаловаться. Ещё хуже будет...

Октябрина дышала мне в щёку ржаными сухариками и моё сердце разрывалось от жалости. Мне пришло в голову завтра же с утра отправиться в этот Центр и забрать оттуда ребёнка вместе с платой за обучение, раз ему не могут обеспечить возможность заниматься, не отвлекаясь за разные глупости. Но ведь и в новой школе может завестись какой-нибудь Васька Попов, потому что Октябрина всегда останется такой же – черноволосой, смуглой, необыкновенной. И никуда не денется её редкостное, столь дорогое мне имя.

– Хорошо, я попрошу называть тебя Яной. Но сама этого делать не буду. Для меня ты навсегда останешься Октябрьной – в память бабушки, моей мамы. Но если насмешки будут продолжаться, ты сменишь школу.

– Я перейду туда, где Денис?.. – загорелась идеей дочка.

– Наверное. Это же наша школа по району. Но всё-таки в Центре преподаватели сильнее. Ты уже сейчас два языка учишь, а в обычно – только один, и тот начинают преподавать гораздо позже. Ты занимаешься плаванием, теннисом, танцами. У тебя огромные перспективы в Центре. Неужели я допущу, чтобы ты лишилась хорошего образования из-за какого-то Васьки Попова? Может, преподаватели поговорят с ним, с его родителями? Ведь должно же заведение такого уровня заботиться о своём престиже...

Я взяла Октябрьну на руки, как маленькую, погасила свет на кухне и подошла к окну. Мы обе смотрели на поредевшие кусты, на деревья, которые качались в свете фонарей от налетевшего к ночи ветра. А наверху, в разрывах туч, зажглись звёзды, далёкие и равнодушные к нашим бедам. И впервые в жизни я почувствовала, как мы с дочкой одиноки в этом мире, несмотря на то, что вокруг нас много людей.

Дочкины слёзы падали мне на щёку, а я шептала ей самые нежные слова, какие знала. Не убирая со стола, унесла ребёнка в детскую, уложила его на тахту. Сняла с ножек настоящие индейские мокасины, потом – джинсы, колготки, джемпер. Какие дочке сейчас уроки на ум пойдут? Пусть отдохнёт, успокоится. И поспит, желательно, до утра.

Октябрьна молча притянула меня к себе, и я, прямо в костюме, прилегла рядом. Дочка как-то сразу заснула, а я всё думала, что завтра непременно поеду в пансион. Но для этого нужно выглядеть успешной, здоровой и сильной. И потому необходимо превозмочь себя, сейчас же принять ванну. После того, как её отреставрировали и поменяли цвет с белого на нежно-розовый, я ещё ни разу не ложилась в воду с морской солью.

Я с трудом поднялась с тахты, поплелась на кухню и принялась мыть посуду. А после, махнув на всё рукой, полезла просто под душ. Думать о предстоящем Милином дне рождения, о дочкиных школьных проблемах, о сложных делах в агентстве я уже не могла. Свернувшись калачиком под широким, но невесомым одеялом, я только успела вспомнить, что завтра надо встать пораньше и заехать на заправку. Пансион находился в области, и пилить туда нужно было долго.

* * *

– Оказалось, что этот самый Васька Попов не из их класса!

Перекрикивая магнитола, я навалилась на овальный стол, заставленный тарелками и бутылками. Мы пировали уже три часа, поздравляли Милу, дарили ей коробки и свёртки, а потом пили и ели.

У меня так и не нашлось времени подобрать подарок, и мы с дочкой ограничились букетом розовых роз, а также бутылкой шампанского «Князь Левь Голицынь». Шампанское собравшиеся немедленно распили, а розы расставили по всей комнате. Под потолком летали шарики-сердечки, к которым Мила и Денис привязали разноцветные ленты. Всё было очень красиво – как в Новый год.

– Так ты поговорила с этим недоумком? – заинтересованно спросила именинница.

Сегодня она была неотразима в сером бархатном платье с длинными рукавами и в немецких серебряных туфлях. Гарнитур из белого золота дополнял изысканный ансамбль. Людмила отлично выглядела, несмотря на то, что позавчерашняя операция прошла не совсем удачно.

– Интересно, ведь моей пациенткой была как раз Попова Татьяна...

– А мне и сказали, что Вася Попов очень переживает из-за состояния здоровья своей мамы. Его вызвали с урока граждановедения, и он пробубнил, что обижать мою дочь не хотел.

И якобы говорил не «идиотка», а «иди, Отка». Директриса слёзно просила меня строго мальчика не судить, у них в семье и так горе. Ребёнок только в пятом классе, а мама в реанимации лежит. Надо бедняжку пощадить, не ругать очень...

– Не надо было ей всё это делать! – Мила поморщилась, потому что сейчас не хотела вспоминать о неприятностях. – Итак, Оту зовём Яной?

– А это уж как тебе больше нравится. Получается, эти Поповы очень крутые? Вообще-то, похоже, слишком перед ними стелятся педагоги.

– Говорила я Татьяне, что у неё носоглотка не в порядке. Нет, настояла, видите ли, потому что им с мужем скоро нужно ехать в Испанию. Кажется, глава семьи держит сеть закусочных в центре Москвы. Не знаю, какие именно, но в любом случае мне может не поздоровиться. Профессор с удовольствием сделает меня козлом отпущения, хоть сам и приказал всё-таки проводить вмешательство. Если не удастся снизить температуру, из клиники мне придётся уйти. Вдруг нам с Денисом придётся от этих Поповых скрываться? Поможешь?

– Конечно, помогу.

Меньше всего мне хотелось, чтобы у Милы возникли неприятности. Значит, я сказала дочке неправду. Вряд ли пятиклассник влюбится во второклассницу. Скорее всего, действительно хотел обидеть. Наверное, у отца базар с кавказцами, и Васька наслушался всяких эпитетов в их адрес. Он твёрдо знает, что «чёрных» надо «мочить в сортире». И начал отравлять существование Октябрьне, считая себя борцом за поруганный русский народ.

– А теперь все танцуем! – закричала Мила, вскакивая со стула.

Через минуту действительно отплясывали все. Взрослых у Милы собралось шесть человек – кроме меня ещё пять женщин и девушек. И, разумеется, Денис с Октябрьной. Дети то пировали с нами, то удирали посекретничать на кухню. Теперь же они, скинув обувь, скакали по софе, как сумасшедшие. Ансамбль «Золотое кольцо» исполнял песню «Виновата ли я?».

И все мы кружились, выкидывали коленца, хохотали, как будто понимали, что больше вот так, самозабвенно и весело, нам плясать не придётся. Пролетая мимо зеркала, я не узнала себя – в чёрном вечернем платье я была похожа на молодую ведьму. Между прочим, подумала, что неправильно подобрала аксессуары, слишком мрачные и тяжёлые.

А потом про всё забыла, потому что напилась до поросычьего визга и уже не следила за собой. Серенький денёк за окнами навевал тоску, но я старалась не смотреть на осеннее небо, на увядшие листья, которые липли к стёклам и к подоконнику. Мы отбивали чечётку на ковре, и кое-кто скинул туфли, чтобы не прибежали ругаться соседи снизу.

Музыкальный центр стоял в углу, и куча футляров т компакт-дисков громоздилась рядом. Сейчас дуэт Ротару-Расторгуев пел песню «Засентябрило», которая идеально соответствовала обстановке.

– Между прочим, меня хотели назвать Ульяной в память прабабушки, – заводя под потолок хмельные глаза, говорила Мила.

Она, наплясавшись, упала на стул и сейчас обмахивалась японским веером. Другие тоже понемногу остывали, и я первая догадалась открыть форточку.

– Но кокочка настояла на том, чтобы я стала Людмилой, раз родилась в этот день...

– Тебя хотели назвать Ульяной? – удивилась чёрненькая девушка в светло-сиреневых нарядных брюках и таком же пиджаке.

– А чему ты удивляешься? Тогда деревенские имена были в моде. Спасибо кокочке, а то бы сейчас не знала, что делать!..

– Пришлось бы имя менять, – сказала ещё одна, очень удачно выкрашенная в то красного дерева дама.

Потом я поняла, что она носит накладку, продевая в её дырочки свои короткие волосы.

– По себе знаю, ведь раньше меня звали Матрёна. Тоже в честь бабули, дожившей до ста пяти лет. Потом пришлось на Марианну менять. И сколько таких случаев!

– Сочувствую.

Мила, уже в который раз, посмотрела на часы. Потом перевела взгляд на телефон и нетерпеливо тряхнула локонами.

– Не понимаю, почему она не звонит. Ведь всегда с утра поздравляла...

– Ты тётю имеешь в виду? – удивилась Марианна.

– Да, она ведь каждый год в этот день сразу к телефону бежала. А потом и семнадцатого августа, чтобы Дениса поприветствовать. Ох, девчонки, ведь именно кокочка меня заставила родить! Всё так ужасно было, папа в аварию попал на Васильевском острове. А у меня свадьба сорвалась, к которой уже всё было готово. Если бы не тётя Наташа, не знаю, как бы мы это пережили.

Мила сцепила на скатерти тонкие пальцы с невероятно длинными накладными ногтями. Свои она не могла отрастить, потому что часто приходилось оперировать и делать процедуры.

– Кокочка своих детей бросила на Урале, примчалась, попеременно со мной и мамой дежурила у постели отца. И всё уговаривала меня оставить ребёнка, не губить невинную душеньку. Она в этом плане человек принципиальный. Имеет восьмерых детей от первого брака и одного – от второго.

– Действительно, героиня! – вмешалась полная, как калач, сотрудница Миловой клиники. Она всё время смотрелась в зеркало и проверяла макияж. – Мне и одного не поднять, несмотря на помощь родителей...

– Она вообще необыкновенная! – Мила грустно взглянула на меня, будто только я её и могла понять. – Они ведь с мамой погодки, а кажется, что Наталья много старше. Мать их, Пелагея Трофимовна, много болела и рано умерла. И за старшую в семье осталась моя будущая кокочка. Отец, Лазарь Михайлович, был человеком добрым, но слабохарактерным. Сторожил молочную ферму и сильно сил с друзьями. Делами дочерей не интересовался, но и с них ничего не требовал...

Магнитола пела «Потому что нельзя быть на свете красивой такой...», а мы слушали Милу. И боялись неосторожным словом, движением, даже вздохом спугнуть её откровенность. Все остальные, приехавшие поздравлять Милу, точно так же как и я ничего о ней не знали. Болтушка и хохотушка сумела утаить от всех самое своё сокровенное, а почему-то сегодня вдруг решила приоткрыть душу.

В открытую форточку ворвался холодный ветер с каплями дождя. Цветы на подоконнике закачались, и пластиковый стаканчик с отростком аралии опрокинулся. Я подошла, поставила его на место, вытерла лужицу.

– Наталья младшую свою сестрёнку Свету, мою маму, сама повезла в Ленинград. Пока та сдавала экзамены в Технологический институт, готовила ей обеды, всячески опекала, не давала даже чай вскипятить. Переживала за абитуриентку так, как иная мать не переживает. Они сняли комнату на улице Фаворского – Наталья непустила Свету в общежитие, несмотря на то, что иногородним давали там места. Светлана поступила с первого раза – во многом благодаря сестре. У них о Гражданке остались приятные воспоминания. И получилось так, что на проспекте Науки, в кооперативной квартире, со своей матерью жил многообещающий аспирант Виталий Оленников. Потом свекровь Светлане с мужем эту квартиру оставила, а сама уехала к родственникам в Липецкую область. Я почти всю жизнь провела там – и в детский сад ходила, и в восемьдесят восьмую школу. Мама говорила, как тётя в ночь моего рождения под дождём у приёмного покоя дежурила, не могла заснуть. Папу в командировку услали, а она вот так... Пока не узнала, что всё в порядке, не ушла домой. Встретила сестру из роддома и сразу же меня в область повезла – крестить. Отец был членом партии, так что решили не впутывать – всё-таки диссертацию собирался защищать через две недели. И поначалу кокочка задержалась в Ленинграде, хотя у самой на Урале оставались две дочки – Пашка и Фрося. Приняла на себя

всю тяжесть ещё не привычных для Светы хлопот. Дала сестре окрепнуть, втянуться в это дело, почувствовать себя матерью. Точно так же она и мне помогала – с Денисом...

Дети потихоньку заползли на стулья и тоже стали слушать, не забывая потаскивать со стола мандарины, яблоки и конфеты. Денис был в красивом клетчатом костюмчике, очень шедшем к его светлым волосам. Костюм был строгий, в зеленоватых тонах, со штанишками до колен и «бабочкой» у ворота рубашки. Моя Октябрина надела новый сарафане из ярко-розовой джинсы, а волосы прижала обручем с множеством заколок.

Нарядилась дочь так, как сама пожелала, хотя, по моему мнению, вкус ей слегка изменил. Кроме всего прочего, Октябрина выбрала невероятно пёструю блузку и чёрные колготки, тоже расписанные экзотическими лианами. Ребёнок устал от школьной формы и хороших манер, навязчиво прививаемых в Центре индивидуального развития, и хотел проявить характер.

А Мила всё смотрела на телефон и при каждом звонке радостно срывалась со стула. Но я сразу понимала, что сигнал не междугородний; так оно и оказывалось. Многие хотели пожелать Милочке Оленниковой здоровья и счастья, но среди них не было тётки Наташи. И это обстоятельство постепенно превратило светлый праздник в вечер воспоминаний. Уже никому не хотелось танцевать. Даже дети притихли и прекратили шептаться.

– Сколько себя помню, тётя всегда была рядом. Мне даже кажется, что она и сейчас здесь. Странно, но это так.

Мила закрыла глаза ладонями, будто хотела увидеть перед собой Наталью Лазаревну, и тут же отняла их. Налила в фужер из бутылки остатки нашего шампанского и выпила. Лицо её страдальчески скривилось.

– Конечно, всё время в Ленинграде кокочка жить не могла. Ведь у неё муж был, часто рождались дети. И притом дома она не сидела, была учительницей черчения и рисования в средней школе. Её муж, знатный токарь, получил пятикомнатную квартиру, и одно время всё у них было тип-топ. Звонила кокочка нам каждую неделю, а то и чаще – всегда находила повод. А уж если случались знаменательные события, она срывалась и мчалась к нам, оставляя семью на мужа и свекровь. У нас в точечном девятиэтажном доме была двухкомнатная квартира на самом последнем этаже. И дом стоял среди зелени. Там раньше был лес – деревья специально не высаживали. Кокочка обожала сидеть на балконе; говорила, что оттуда весь город видно. Хотя, конечно, это не так. Теперь мама папу в кресле туда вывозит, во двор ведь не спуститься. Мы с ней всегда жили в маленькой комнате, а большую занимали родители. Спали в одной постели. Если бы меня спросили, кого больше люблю, маму или тётю, я не смогла бы сразу честно ответить...

Я вздрогнула, потому что мне показалось – Мила говорит о тёте в прошедшем времени. Вспоминает её так, как вспоминают мёртвых. Томится от тяжёлого предчувствия, потому и старается отвлечься, но мысли всё время возвращаются к Наталье Лазаревне.

Мало ли почему та могла не позвонить! Но нет, Мила лучше её знает. Неужели действительно что-то случилось? Тогда почему не звонят из Питера Милены родители? Сами не в курсе? Или не желают портить дочери день рождения? Когда Мила утром говорила со Светланой Лазаревной, та, вроде, ничем не была огорчена.

– Школа у нас во дворе, а тётя меня лично туда водила. Интересовалась, как учусь. Если получала табель без троек, тётя всегда привозила подарки. Но когда тройки всё-таки появились, тоже особенно не ругала, просто советовала проявить характер. Но я её натуру не унаследовала, и мама получилась совсем другая. Нам почему-то всегда казалось, что Наталья поможет, что есть, на кого опереться. Дениска, покажи Октябрине книжку про Гарри Поттера, – неожиданно попросила Мила.

И все поняли, что она хочет поговорить о вещах, не предназначенных для детских ушей. Но когда Октябрина сползла со стула и пошла к выходу, Мила вдруг обняла её и притянула к себе.

– Не обращай внимания на то, что в школе говорят дураки! Всё пройдёт, но останется мама, которая любит тебя. У тебя есть папа, пусть даже он и не живёт с вами. Но он есть! А я так виновата перед своим отцом, что до конца дней не смогу оправдаться. Папа-то простил меня, а я сама не могу забыть. И Денис... Он своего отца уже никогда не увидит. Ты иди, иди, Денис тебе покажет очень хорошую книжку. У нас она выйдет в начале будущего года. Какие там картинки, ты бы только знала!..

Марианна бросилась утешать плачущую Милу, полненькая гостья побежала на кухню за водой, а я просто сидела и смотрела в одну точку. Магнитола так и играла, никто не решился выключить её. «Так вот какая ты, я дарил цветы, а я сходил с ума от этой красоты!» – пел обиженно-кокетливый мужской голос.

– Выключить? – Я протянула руку.

– Нет-нет, пусть играет! – Мила глотнула из чашки.

«Счастлив тот не будет, кто любовь обидел...» – продолжал певец.

Я раньше такую песню никогда не слышала и не понимала, почему Мила, жадно внимая ей, едва не рыдает и судорожно улыбается сквозь слёзы.

– Девочкой я была симпатичной, ласковой и весёлой. Но иногда выдавала такие номера... Раз в садике стало скучно, захотелось домой. Тем более что у нас гостила кокочка. Я понимала, что из группы раньше времени меня никто не отпустит, и потому жалела себя. А воспитательница была настоящая мегера, которая за слёзы могла в чулан запереть или в угол поставить. Она всегда говорила, что советский ребёнок должен держать себя в руках. Но одна слабость у воспиталки была – она ненавидела пьяниц. И я, испугавшись наказания, наврала ей. Не знаю, как такое мне пришлось в голову. Папа, говорю, у меня пьёт, дома ругается с мамой. Просто сказала и забыла. А папа-то только по праздникам. Хороший коньяк или грузинское вино... Он – настоящий петербуржец, невесть в каком поколении. Тогда писал докторскую диссертацию. Накануне его дня рождения мама с кокочкой пекли пироги. Сам он работал за столом. Вдруг звонят в дверь, мама спешит открыть. Входит представительная комиссия, человек семь, и наша мегера с ними. Вот, говорит, ребёнок пожаловался на бесконечные пьянки. Родители, мол, всё время скандалят и даже дерутся. Я вспомнила, что наболтала ей, и заплакала. Но родители-то ничего не понимали! Комиссия требует показать всю квартиру, а мама отказывается. Тётя стала разбираться. Тут и папа вышел. Когда всё разъяснилось, я закатила истерику. Призналась, что наврала. С меня, конечно, спросу никакого, но папа получил первый в жизни сердечный приступ. Оказывается, ещё до проверки квартиры успели позвонить в Политехнический институт. Еле замяли скандал. Пришлось мне много раз повторить, что я всё сочинила. Кончилось тем, что кокочка забрала меня из детского сада и увезла на Урал, где я и жила вплоть до самой школы...

Телефон замолчал совсем, и мы смотрели на него, мысленно умоляя Наталью Лазаревну позвонить. Ведь она знает, что Мила ждёт! Почему не может выкроить несколько минут, а уж потом заняться своими делами? Наверное, скоро всё разъяснится – так или иначе...

– Мне бы тогда успокоиться, вспоминать почаще о своём проступке. Но я подумала, что всё забыто. Да и разве можно было на меня сердиться? Родители пытались ничем меня не огорчать, тётя тоже. И я продолжала считать себя ребёнком, которому позволено многое. Мне ещё не было пятнадцати, когда я в походе потеряла девственность. Мне хотелось сделать это первой в классе, завоевать авторитет. Тогда как раз началась сексуальная революция, если кто не помнит. Посиделки у костра, песни под гитару, ночевки в палатках. И роман с парнем из старшего отряда. На всякий случай я выпила молоко с четырьмя каплями йода; девчонки говорили, что это – верное средство от беременности. Во время экзаменов меня тошнило, но всё объяснили переутомлением. А когда закончила восемь классов, поняла, что залетела. И снова пришлось обращаться к кокочке. Она была против аборт, но поняла, что я себе не могу позволить ребёнка. На Урале, в глухой деревне, жила старуха-знахарка. Она дала мне что-то

выпить. Вскоре началось кровотечение, и случился выкидыш. Папа ничего не узнал, мама с тётёй охраняли его от потрясений. А я поступила в медицинское училище, чтобы раз и навсегда закрыть для себя тему криминальных аборт и вступить на дорогу респектабельности...

Мила говорила, а мы слушали; в углах комнаты постепенно сгущался мрак. Сильно запахло цветы, особенно наши розы, и с естественными ароматами смешались духи всех собравшихся женщин. Водяная гамма, зелёные ноты, восточно-ванильные и с запахом специй – все они делали воздух в комнате терпким и густым. Почему-то от торжественной полутьмы, от ползущего в форточку холода, от изысканных запахов цветов и духов мне стало по-настоящему страшно.

Все собравшиеся как-то сразу утратили элегантность и шарм, хотя наряды и драгоценности остались при них. Лица женщин стали проще и добрее, разом обмякнув и постарев. Вот так, всемером, мы могли сидеть на завалинке в деревне и слушать горестную исповедь восьмой. Мы были достаточно пьяны для того, чтобы расчувствоваться, но всё же не до такой степени, чтобы не принять близко к сердцу искреннее самобичевание.

– Я закончила с отличием медучилище, поступила в Первый Медицинский. Там и познакомилась с Пашей Шестаковым. Сначала мы учились в одной группе. Потом он внезапно ушёл из института, не дожидаясь отчисления за неуспеваемость. Родом он был с Новгородчины. Через год после отчисления я его встретила снова. Выслушала горестную историю про то, как он мотался в Москву, хотел устроиться шофёром к Жириновскому. И всё бы ничего, но денег не хватило. Чтобы вернуться в Питер, пришлось продать обручальное кольцо, которое отец дал поносить. Теперь нельзя домой являться. Папа убьёт, если узнает. На меня опять накатило, стало Пашку очень жалко. Привела его к себе. Сказала, что мы скоро поженимся. Родители удивились, но возражать не стали. Мы подали заявление, и стали жить одной семьёй. Родители купили мне платье – с кружевным верхом, корсетом на шнуровке и пышной юбкой. А ещё – длинные перчатки, фату, венки из искусственного жемчуга. Единственную дочь нужно было выдать замуж на уровне. Паша устроился работать в «Невские зори» стекломоем и полотёром. Свадьбу назначили на новый девяносто четвёртый год. Но всё внезапно рассыпалось, потому что в военно-морском госпитале, где я проходила практику, появился новый пациент. Это был моряк-подводник, которого положили к нам на обследование. Его больше нет на свете, но его имя часто мелькает в прессе, и я не хотела бы называть... В общем, мы встретились в баре, потанцевали. Было это на Петроградской. Он уезжал к себе на Север. Расставаться не хотелось, и мы отправились в гостиницу «Спутник», которая находится не очень далеко от моего дома. Мои обычные шуры-муры, игры, развлечения – так я воспринимала это поначалу. Думала вернуться домой до прихода родителей и Павла. Но, наверное, вмешалась судьба. Как раз в этот вечер Шестакову какой-то из его друзей тоже назначит встречу в «Спутнике». И мы столкнулись лоб в лоб. Вот уж действительно закон подлости! В ресторане гостиницы дело чуть не дошло до драки, швейцар даже пригрозил вызвать милицию. Я разозлилась и сказала Шестакову, что больше не люблю его и разрываю помолвку. Они с приятелем вылетели вон. А мне ничего не оставалось, как подняться в номер с моим моряком и остаться там на всю ноябрьскую ночь. Вернулась утром и застала маму в слезах. Папа долго ничего не мог понять. Свадебный наряд я продала подружке по институту. Павла пробовала искать кокачка и, кажется, нашла. Но он не захотел даже слышать обо мне. И с тех пор прошло много лет...

– Тот моряк и стал отцом Дениса? – тихо спросила я.

– Да. Но не спрашивай меня ни о чём – очень трудно всё это вспоминать. Да и ни к чему. Денис знает, что его отец погиб, и это действительно так. Кольцо своё я тоже загнала. А другое Шестаков прихватил с собой. Родителям было не до этого, мне тоже...

Мила взяла с маленького столика пачку сигарет «Лолита», протянула собравшимся. Потом поочерёдно поднесла зажигалку каждой; и мне, что приятно, первой. Мы закурили, и

ещё одна гостя, девушка с длинной русой косой через плечо, которой очень не шло затягиваться и пить водку, спросила:

– Милочка, а дальше-то... дальше что было?

– А дальше было, Лидочка, как обычно. Визит к знакомому гинекологу. Диалог типа: «Мадам, я должен вас обрадовать! – Но я мадемуазель! – Мадемуазель, я должен вас огорчить!»

Мила рассказывала так образно и живо, что мы не утерпели и рассмеялись. Лида, юная и трогательная в своём темно-синем длинном платье, даже вытерла платочком слёзы. Но, несмотря на её строгость, я заметила, что курить Лидия умеет и любит.

– Мне не нужен был этот ребёнок совершенно. Теперь я прихожу в ужас и ненавижу сама себя за такие мысли, а тогда... Помеха в жизни, в учёбе... Во всём! Я призналась маме. Она вызвала тётю. А у той свои проблемы. Муж, отец восьмерых детей, в один прекрасный день взял и ушёл. «Извини, Натаха, но сил моих больше нет!» И пропал в неизвестном направлении. Хорошо, что хоть квартиру им оставил. Я бы с ума сошла, а кокочка... Вот железный человек! Примчалась в Питер, начала искать Шестакова. И ведь поймала на квартире приятеля! Стала стыдиться, говорить о будущем ребёнке. Но Пашка ответил: «Я не уверен, что это МОЙ ребёнок...» И ведь, глист в скафандре, прав оказался! Шестаков был худощавый, высокий, кареглазый. Волосы – тёмный шатен. В фирме его ценили – очень уж ловко он окна мыл, мог в любую щёлку пролезть. А я родила младенца весом в четыре с половиной килограмма. Розовый, голубоглазый, кровь с молоком! Настоящий уралец, как говорили акушерки. Я ведь под Екатеринбургом рожала, по тётинной протекции. Сам главврач забегал, справлялся, как дела. Но это было потом, но прежде я пережила самые кошмарные дни в моей жизни...

Мила сбила пепел, крепко обняла меня и положила душистую, небрежно-элегантно убранную голову на моё плечо. Серьги в её ушах тихо забрякали, потаённо засветилось кольцо на груди.

– Я ревела, не переставая. Просила кокочку опять отправить меня к бабке, но та упёрлась рогом. «Ни за что! Знахарка та померла, да и я больше не желаю душегубствовать. Если дитя не от «чёрного», выращу его, как мать родная. Я знала, что чёрных у меня не было, поклялась. Мама в слёзы: «Наташа, перестань, тебе своих девать некуда! Хватит юродствовать, в самом деле. Никто не мешает решить вопрос, как обычно. Мы с Виталием работаем, мила учится, а куда ребёнка девать?» Отец так переживал, что попал в жуткую аварию. Поехал в Университет по служебным делам на своей «Волге», а из-за троллейбуса мальчишка на дорогу выскочил. Дело было зимой, кругом темнота и мороз. Папа только и смог, что врезаться в фонарный столб. Как я ревела, потому что могла бы сидеть рядом с ним и убиться насмерть! Ведь второй удар нанесла человеку, который даже голоса на меня не повысил ни разу! Мальчишка, гадёныш, ни царапины не получил, хотя сам во всём был виноват. И мне сделалось всё равно. Не до аборта было, только аудитории и больницы. Честно говоря, я надеялась на выкидыш. А кокочка предупредила: «Если вытравишь дитя, прокляну тебя! Он хочет жить и будет жить, некогда вам – везите ко мне в деревню, любая старушка присмотрит. Девятый забегает – ну и что? Можешь и родить на Урале, чтобы дома не позориться». Тетя тогда не знала, что и сама ещё родит. Ей сорок второй год шёл в ту пору. А в сорок три, уже от второго мужа, завела Мишеньку. Я академический отпуск брать не стала. Молока после потрясений не было совсем, и потому Денисёнок во мне особой нужды не испытывал. Только перед школой и забрала его с Урала, до сих пор скороговоркой и на «о» говорит. Моих папу с мамой сын плохо знает, а кокочку свою просто обожает. До сих пор вспоминает, как было весело в деревне. Тайга, река, шум и гам во дворе. Все продукты свои...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.